А. П. КАРАБАНОВ

Карабанов Артём Петрович
аспирант, преподаватель,
Институт психологии им Л. С. Выготского,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6, корп. 7
Тел. +7 (499) 250-66-44
E-mail: *pacaraban01@gmail.com*

Современные подходы к пониманию концепта неопределенности

Аннотация. В статье описывается история развития представлений о неопределенности, приводится классификация ее типов и основных подходов к пониманию неопределенности в контексте проблемы принятия решений. В частности, описываются подходы, в которых неопределенность выступает либо параметром ситуации, либо переживанием, детерминированным личностными характеристиками. Обсуждаются вопрос построения ментальной репрезентации неопределенности и возможная роль языковых средств в этом процессе.

Ключевые слова: неопределенность, типы неопределенности, концептуальная метафора неопределенности, ментальная репрезентация неопределенности

Всякий выбор или проблемная ситуация обладают неопределенностью как неотъемлемой характеристикой, которая подразумевает множество возможных вариантов исхода или путей достижения результата. Без ее объяснения невозможно построить экологичные модели процесса принятия решений, но моделирование или попытки концептуализации неопределенности сами по себе являются непростой задачей. На данный момент мы можем говорить о сформировавшемся тренде в понимании проблемы, заключающемся в постепенном смещении внимания от неопределенности как характеристики проблемной ситуации к неопределенности как субъективному переживанию ситуации принятия решения.

Количество точек зрения и подходов к пониманию неопределенности в различных областях знания с большим трудом поддается даже простому перечислению. Но так или иначе все они пытаются отразить процесс субъект-объектного взаимодействия, в котором неопределенность может пониматься как свойство объекта, как условие взаимодействия объекта и субъекта, как особенность субъективного восприятия либо как особенность взаимодействия новых знаний с наличным знанием [Дорожкин, Соколова 2015].

© А. П. КАРАБАНОВ

В данной статье мы делаем попытку проследить историю развития представлений о неопределенности, классифицировать их, а также описать основные современные подходы к пониманию данного концепта.

Вероятностные подходы к пониманию неопределенности

Появление первой классификации неопределенности связано с именем В. Гейзенберга, предложившего понятие онтологической неопределенности как объективного свойства макромира, которое противопоставлялось неопределенности гносеологической (когнитивной, познавательной) — субъективной, укорененной в ограниченности человеческого познания и отражающей форму развивающегося неполного знания, неоднозначность поисковых путей [Дорожкин, Доронин 2012].

Представления об объективном характере неопределенности нашли дальнейшее развитие в статистической теории вероятности, в которой неопределенность противопоставлялась информации как всеобщему свойству материи, мере снижения или снятия неопределенности и описывалась в терминах вероятности наступления события — некой величины, вокруг которой может колебаться частота возможных исходов. Данный подход, а именно его классический вариант, предполагает зависимость меры неопределенности от увеличения количества возможных исходов и возможность абсолютных значений на шкале неопределенности / определенности, где минимальное соответствует множеству из одного возможного исхода, а максимальное — множеству из бесконечного количества исходов [Урсул 2010].

Помимо связи объективной неопределенности и информации следует также отметить применение категории объективной неопределенности в моделировании рисков в области экономики, где она также выступает как параметр, который возможно изменять и варьировать. Здесь проблема неопределенности изучается уже непосредственно в контексте принятия решений — когда стремятся, с одной стороны, предсказать результат принятия решения в условиях стохастического характера будущего, а с другой — оценить риск каждой из возможных альтернатив, найти наиболее благоразумную из них [Диев 2015]. Следует отметить, что риск в данном случае может пониматься как механизм, задающий неопределенность посредством оценки не только вероятности реализации события, но и его значимости по отношению к принимающему решение лицу. В начальном варианте постановки проблемы значимость исходов измерялась в материальном эквиваленте (зачастую — денежном), но после того как в 1738 г. Д. Бернулли опубликовал статью, в которой излагался обнаруженный им парадокс принципа назначения цены игры в соответствии со средним выигрышем, речь стала идти об относительной ценности, т. е. полезности [Там же].

Однако представление об объективном характере неопределенности не исключает и активную роль субъекта, которую, в частности, подчеркивает П. Бернстайн, вводя термин *управление риском*: «сущность управления риском состоит в максимизации набора обстоятельств, которые мы можем контролировать, и минимизации набора обстоятельств, контролировать которые нам не удастся и в рамках которых связь причины и следствия от нас скрыта»

[Бернстайн 2008: 215]. Следует обратить внимание, что и в данном контексте неопределенность опять-таки выступает как параметр ситуации, который поддается количественной оценке и может быть спрогнозирован.

Понимание неопределенности как количественной величины неизбежно сталкивается с проблемой ее измеримости и далее — с необходимостью обладания полным знанием о всех возможных исходах и возможности их соотнесения друг с другом. В случае, когда эти условия не соблюдаются, предсказание исходов оказывается невозможным, а термин *риск* неприменим [Найт 1994]. В подобных случаях, когда вероятности не могут быть оценены или субъект не знает об условиях ситуации, значимых для принятия решения, уместно говорить о неопределенности в уверенности наступления события, которая уже носит качественный характер и предполагает невозможность категоризации риска [Солнцева, Смолян 2009].

Количественный и качественный подходы к пониманию неопределенности нашли отражение в предложенных Г. Саймоном нормативном и дескриптивном подходах к принятию решения. В рамках нормативного подхода автор обобщил представления о человеке как рационально мыслящем существе, руководствующемся в решениях логикой, представлениями о целесообразности и получением максимальной выгоды. Задача этого подхода состояла в понимании данного процесса в целях предсказания поведения человека в заданных ситуациях. В то же время Саймон признавал принципиальную ограниченность мощностей человеческого познания (основной тезис предложенной им концепции о г р а н и ч е н н о й р а ц и о н а л ь н о с т и) и говорил о том, что человек рационален лишь отчасти и эмоционален либо иррационален в остальных ситуациях, что приводит к предпочтению наиболее приемлемого варианта из первых попавшихся [Саймон 1993]. Последний тезис о предпочтении наиболее приемлемого результата отражает вынужденность человека ориентироваться в условиях заведомо неполной информации либо в плохо структурированных ситуациях, т. е. в ситуациях невозможности оценить риски, найти и оценить вероятность наступления «наилучшего исхода». В такого рода ситуациях, когда неопределенность является качественной и человек оказывается вынужденным принимать решения на основе собственного опыта или интуиции, более уместным оказывается дескриптивный подход, направленный на описание и объяснение реального поведения людей.

Как наиболее известную теорию в рамках нормативного подхода можно отметить теорию перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Неопределенность в ней также понимается как объективная характеристика ситуации, поддающаяся оценке с помощью теории вероятности, статистических методов. В результате своих исследований авторы приходят к необходимости введения понятия *субъективная вероятность*, которое, с одной стороны, отражает искаженные представления людей о законах случайности, не являющихся для них интуитивно очевидными или удобными, и с другой — приводит к использованию упрощенных правил (эвристик), зачастую приводящих к серьезным систематическим ошибкам [Канеман и др. 2005].

Как пример в рамках дескриптивного подхода стоит рассмотреть теорию «черного лебедя» Н. Талеба, автор которой обращает внимание на редкие, значительные и предсказуемые только ретроспективно события. Талеб указывает

на характерную для современного человека переоценку рационального толкования статистики, вследствие чего человек рассматривает мир как регулярное по структуре явление и оказывается беззащитен перед нерегулярными явлениями, в силу своей непредсказуемости зачастую принимающими катастрофический характер [Талеб 2013].

На данный момент тезис о том, что человек осуществляет выбор иначе, чем ожидают от него нормативные или рациональные теории, не подвергается сомнению. Также не ограничивается рамками рационального и его мышление, что, в частности, отмечал М. Полани, говоря о «личностном знании» — своеобразном комплексе ощущений и интуиций ученого, который может быть формализован только отчасти [Полани 1998]. К схожим выводам приходил Д. Канеман, отмечая возможность существования интуитивного и контролируемого познания, различающихся по скорости и автоматизированности/обдуманности принятия решений [Kahneman 2002].

Личностно-детерминированные подходы к пониманию проблемы неопределенности

Подобного рода «безличные» модели, рассматривающие феноменологию преодоления неопределенности в рамках исследования структуры процесса и оставляющие вне поля зрения динамический характер психики и роль личности, имеют свои недостатки. Концепции принятия решений, сводящие их к рациональным решениям, не могут учесть существенную роль личности, личностных особенностей [Козелецкий 1979], что обусловливает актуальность анализа динамически складывающихся иерархий регулятивных процессов [Корнилова 2014]. Поиск исчерпывающего алгоритма, позволяющего предсказать решение, уступает место п о н и м а н и ю процесса саморегуляции личности, выражающегося, в том числе, в построении ментальной репрезентации ситуации, применении личностно-детерминированных критериев выбора для преодоления неопределенности. Важно отметить, что речь в данном случае ведется о неопределенности субъективной, т. е. неуверенности [Grenier et al. 2005; Корнилова 2014].

Взятую в контексте субъект-объектного взаимодействия, неопределенность нельзя назвать ни онтологической, ни гносеологической [Дорожкин, Соколова 2015]. Как отмечает Т. В. Корнилова, «человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой ‹…› личность не только осмысливает, но и переживает ситуацию выбора» [Корнилова 2014]. Однако сложившийся стереотип примата интеллекта над эмоциональной составляющей личности вопреки уже ставшему аксиоматическим единству интеллекта и аффекта (Л. С. Выготский) способен существенно исказить смысл этих слов. Читая «осмысливать» и «переживать» в отношении ситуации выбора, мы можем представить себе действие, внешнее по отношению к личности, вынужденное по отношению к объекту, однако в этом случае нарушается принцип единства субъекта и объекта. В действительности же речь идет о с о с т о я н и и субъекта, с о д е р ж а щ е м в себе репрезентацию объекта познания как неотъемлемую составляющую.

Таким образом, говоря о принятии решения или осуществлении выбора, мы всегда имеем в виду не решение конкретной задачи и переживание сопутствующих этому эмоций, а процесс примирения с самим собой, разрешения внутриличностного противоречия и избегание сомнений (т. е. снижение неопределенности), связанных с текущей репрезентацией ситуации. Как отмечает Е. П. Белинская, в ситуации информационной неопределенности человек начинает больше опираться на личностные диспозиции, относящиеся по большей части к кругу мотивационно-потребностных состояний и особенностей когнитивной сферы субъекта [Белинская 2015]. Но качество таких личностно-детерминированных решений может существенно разниться и зависеть от ситуативного контекста. В случае, когда ситуация воспринимается как вызов, будет создаваться целевой контекст преодоления; если же актуализируется чувство угрозы, может создаваться целевой контекст избегания [Чумакова 2013а]. Так или иначе, субъективное отношение к ситуации, ее репрезентация и переживание играют существенную роль в организации процесса принятия решения или осуществления выбора.

Субъективное знание или переживание основываются на индивидуальных особенностях познания, что не исключает заблуждения относительно объекта познания, его неадекватного отражения [Дорожкин, Соколова 2015]. Именно в ошибках отражения объекта субъектом, отсутствия у субъекта целостной картины ситуации или ее контекста заключается ситуация неопределенности, которая, таким образом, может включать внешнюю и внутреннюю стороны [Лихачева 2010]. Субъективная неопределенность может быть следствием интерпретации информации о ситуации, хранящейся в неэксплицированном, неструктурированном и неконцептуализированном виде [Мишина 1991], она может заключаться в особенностях интерпретации событий, в разнице между отраженным миром и действительностью, в неполноте информации [Ахапкин 2008]. В то же время неопределенность может рассматриваться в связи с риском и невозможностью выбора стратегий поведения. В такой интерпретации уместно говорить о ней в контексте проблемы саморегуляции — невозможности осуществить действие в силу неизвестности, непрогнозируемости, отсутствия адекватного знания о мире и ориентиров в поведении [Самыгин 2008].

На взаимосвязь неопределенности и процессов саморегуляции указывает Е. Т. Соколова, отмечая, что неопределенность и двусмысленность принципов организации социальных взаимодействий в современном обществе «существенно затрудняют возможности персонального выбора», а завышенные социальные требования оказываются «невыносимо стрессогенными» [Соколова 2009]. Указывая на важность переживаний субъективной неопределенности, она предлагает три пути к их изучению посредством 1) оценки специфики проецируемого содержания тревоги; 2) оценки психологических защит; 3) изучения самоидентичности. На основе выделенных критериев, как предполагает Соколова, возможно определить, в какой степени личность способна справиться с хаосом культурной и социальной неопределенности [Соколова 2012].

Кроме того, Соколова описывает пять типов переживания субъективной неопределенности, которая может служить надежным маркером продуктивности самоконтроля и саморегуляции, устойчивости «я» в норме и маркером

их нарушения при психических заболеваниях: 1) персекуторная тревога, ассоциируемая с безграничностью, бесформенностью и угрожающая целостности «я»; 2) страх новизны и предпочтение предсказуемости как следствие переживания амбивалентности, двусмысленности, многозначности, грозящие потерей самоконтроля и постоянством «я»; 3) непереносимость неопределенности как ответственности, сопряженной с любой ситуацией принятия решения или осуществления выбора, приводящая к нивелированию собственного «я», крайнему конформизму; 4) маниакальное «опьянение неопределенностью» как следствие нарциссических переживаний всемогущества и вседозволенности, отсутствия всяких норм и границ; 5) творческое и осмысленное преобразование ситуации, связанное с переживанием любопытства и азарта, сопровождаемое самоактуализацией и саморазвитием личности [Соколова 2012].

В соотношении с конструктом саморегуляции феномен неопределенности изучала Т. В. Корнилова. В ее представлении неопределенность может быть показана как незаданность иерархий процессов, фокусируемых динамическими регулятивными системами [Корнилова 2005; 2013]. Автор отмечает, что субъективная неопределенность может генерироваться посредством внутренних факторов, к которым следует относить неполноту ориентировки, вызванную искаженной когнитивной репрезентацией, диспозициональные факторы работы с собственной системой переживаний, влияющие как на образ ситуации, так и на актуалгенез решений [Корнилова 2015].

В контексте выдвигаемого Т. В. Корниловой «принципа неопределенности» рассматриваются механизмы преобразования объективно заданной в ситуации неопределенности в субъективную. К объективным компонентам ситуации неопределенности можно отнести ее «онтологический» источник, представленный мало зависимыми от субъекта внешними обстоятельствами, действиями других людей по отношению к субъекту, а также изначальную незаданность внутренних критериев и регуляционных образований, необходимых для разрешения неопределенной ситуации [Корнилова 2005]. Неопределенность субъективная, в свою очередь, может рассматриваться как результат решения когнитивной задачи по конструированию образа ситуации на основе восприятия и оценки «объективных» источников неопределенности, результатом чего является формирование отношения к неопределенной ситуации как угрожающей, нейтральной или благоприятствующей достижению цели [Чумакова 2010; Grenier et al. 2005; Greco, Roger 2001].

Кроме того, разница оценки неопределенности может быть связана с личностными особенностями, установками, убеждениями, релевантным опытом, а сочетание субъективного образа источника неопределенности с его оценкой приводит к созданию целевого контекста взаимодействия и реализации стратегий снижения, избегания, принятия, стремления или преодоления неопределенности [Корнилова и др. 2010; Чумакова 2010].

Стоит отметить, что в рамках концепции толерантности/интолерантности существенную важность приобретает выделение профилей отношения к неопределенности, а также предпосылки к их формированию [Chumakova, Kornilov 2013] в тесной связи с представлениями о мотивационной иерархии как основе регуляции человеком своего поведения посредством активного целеполагания [Чумакова 2013b].

Неопределенность как концептуальная метафора

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение лингвистических исследований проблемы неопределенности в контексте картины или образа мира. Объектом этих исследований являются семантические доминанты, закодированные в семантической структуре языка и объясняемые как фундаментальные идеи или концепты, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации, пониженной степенью коммуникативной осознаваемости [Вежбицкая 1996]. По сути, эти семантические доминанты представляют собой своего рода «коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350].

К таким фундаментальным идеям русской языковой картины мира (ЯКМ) можно отнести «эмоциональность» и «неконтролируемость» [Вежбицкая 1996], «неопределенность» [Арутюнова 1995; Падучева 1996], «непричастность к ходу событий» или неагентность [Wierzbicka 1992; Зализняк, Левонтина 1996], детализированное видение процесса [Волохина, Попова 1993] и т. п.

Как отмечает Е. В. Падучева [Падучева 1996], в русской ЯКМ неопределенность связана с субъектом, что обусловливает необходимость выявления и экспликации его семантической роли. Она же выделяет подробную разработанность соответствующей сферы и частичное семантическое обесценивание как два аспекта семантики неопределенности, характеризующие ее как семантическую доминанту русской ЯКМ.

В рамках обсуждения первого аспекта речь идет об употреблении неопределенных местоимений трех типов: 1) нереферентных (*кто-нибудь*, *какой-нибудь*), 2) собственно неопределенных (*какой-то*, *кто-то*) и 3) слабоопределенных (*кое-какой*, *один*, *некоторые*) [Падучева 1985]; пропозициональных установок, выражающих неуверенность, неясность, сомнение (*должно быть*, *или*, *что ли*, *чуть ли не* и т. п.). В рамках обсуждения второго аспекта упоминаются особенности перевода на другие языки, в ходе чего специфичные семантические доминанты языка-оригинала зачастую попросту опускаются [Падучева 1996].

В славянских языках особой значимостью обладает концепт «временной границы или временного предела ситуации», реализуемый в семантической оппозиции предельности/непредельности [Петрухина 2003]; завершение одного действия или состояния означает начало другого (ср. *замолчать* ‘перестать говорить’ и ‘начать молчать’), таким образом, идея границы между двумя смежными во времени ситуациями получила грамматическую категоризацию в глагольном виде [Арутюнова 2002].

Представления о ЯКМ, в свою очередь, перекликаются с понятием концептуальной метафоры. Метафора представляет собой концепт, фиксирующий информационно значимую связь между объектами на основе общего организующего принципа [Решетникова 2011], основную ментальную операцию как способ категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира, с помощью которых человек не только выражает свои мысли, но и познает мир, мыслит [Будаев, Чудинов 2013]. Посредством метафор язык навязывает способ интерпретации информации об окружающем мире, существенным свойством которого является антропометричность, т. е. использование понятных для восприятия образов и символов [Телия 1988].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 1990], в формировании метафоры важную роль играет опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, в частности, физический опыт, категоризирующий действительность в виде простых когнитивных «схем-образов». Примерами таких метафорических моделей (универсальных) могут служить пространственные отношения [Решетникова 2011; Костюшкина 2006], связанные с теорией телесного разума [Zinken 2003], представления о времени, сущности, субстанции, каналах связи, сражении [Хахалова 1998].

* * *

На современном этапе неопределенность понимается либо как неотъемлемое свойство проблемной ситуации, связанной с принятием решения, либо как переживание субъекта, оказавшегося в данной ситуации. В обоих случаях речь идет об особенностях построения репрезентации проблемной ситуации, т. е. об акте субъект-объектного взаимодействия, однако в каждом из них акценты ставятся по-разному.

Как атрибут ситуации неопределенность представляется результатом воздействия многих объективных параметров ситуации на субъекта, снижающим его способность к принятию решения. В данном контексте неопределенность является величиной, измеримой настолько, насколько возможно проконтролировать объективные параметры ситуации, а роль субъекта либо игнорируется, либо задается посредством формирующихся у него правил принятия решений (эвристик), упрощающих ситуацию в соответствии с наивным опытом.

Как переживание ситуации принятия решения неопределенность выражается через сомнения субъекта относительно реализации одного из многих вариантов действий. В данном случае источником сомнений могут выступать не только характеристики проблемы, но и индивидуально-психологические особенности личности, определяющие отличия качественной оценки ситуации (как потенциальной угрозы, шанса и т. п.), особенности ее саморегуляции, направленной на реализацию конкретного выбора.

Однако роль некоторых факторов, связанных с построением репрезентации неопределенности, еще только предстоит изучить. К их числу следует отнести метафоризацию неопределенности как феномена посредством доступных языковых средств, происходящую, с одной стороны, на культурно-специфическом уровне, с другой — на индивидуальном. Формирующаяся таким образом когнитивная модель, будучи интегрированной в концептуальную (языковую) модель мира, навязывает субъекту способ репрезентации неопределенности, тем самым обусловливая доступные ему способы мышления и варианты действий.

Литература

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995.

Арутюнова 1995 — *Арутюнова Н. Д.* Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995.

Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н. Д.* Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002.

Ахапкин 2008 — *Ахапкин Ю. К.* Интерпретация социально-гуманистической информации в условиях неопределенности: Дис. … канд. социол. наук. М., 2008.

Белинская 2014 — *Белинская Е. П.* Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. Т. 7. № 36. 2014. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html.

Бернстайн 2008 — *Бернстайн П. Л.* Против богов: Укрощение риска / Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2008.

Будаев, Чудинов 2013 — *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1. С. 6–13.

Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. и отв. ред. М. А. Кронгауз; Вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Рус. словари, 1996.

Волохина, Попова 1993 — *Волохина Г. А., Попова З. Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

Диев 2015 — *Диев В. С.* «Принятие решений» как междисциплинарная сфера исследований: генезис и тенденции развития // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. Т. 9. Вып. 2. 2015. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast9-2.2015.21.pdf.

Дорожкин, Доронин 2012 — *Дорожкин А. М., Доронин Д. Ю.* Гносеологическая неопределенность в научной и мифологической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 35–46.

Дорожкин, Соколова 2015 — *Дорожкин А. М., Соколова О. И.* Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–11.

Зализняк, Левонтина 1996 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б.* Отражение русского национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги A. Wierzbicka. Semantics, Culture and Cognition. Universal human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. Vol. 20. No. 2–3. 1996. P. 237–264.

Канеман и др. 2005 — *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Харьков: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

Козелецкий 1979 — *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Корнилова 2005 — *Корнилова Т. В.* Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. Т. 26. № 1. 2005. С. 7–17.

Корнилова 2013 — *Корнилова Т. В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. Т. 34. № 3. 2013. С. 89–100.

Корнилова 2014 — *Корнилова Т. В.* Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора // Психологические исследования. Т. 7. № 36. 2014. URL: http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1013-kornilova36.html.

Корнилова 2015 — *Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. Т. 8. № 40. 2015. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html.

Корнилова и др. 2010 — *Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Костюшкина 2006 — *Костюшкина Г. М.* Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006.

Лакофф, Джонсон 1990 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

Лихачева 2010 — *Лихачева Е. Ю.* Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2010. № 3. С. 3–32.

Мишина 1991 — *Мишина Н. В.* Генетические основания и логические формы выражения неопределенности: Автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1991.

Найт 1994 — *Найт Ф.* Понятия риска и неопределенности // THESIS. Вып. 5: Риск, неопределенность, случайность. 1994. С. 12–28.

Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Diterminatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: Problemi di morfosintassi delle lingue slave. Padova: Unipress, 1996. 163–186.

Петрухина 2003 — *Петрухина Е. В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: Сб. докладов. Т. 1. СПб.: Политехника, 2003. С. 426–433.

Полани 1998 — *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998.

Решетникова 2011 — *Решетникова Е. В.* Гносеологическая ценность метафоры // Ценности и смыслы. 2011. № 5(14). С. 89–100.

Саймон 1993 — *Саймон Г. А*. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Вып. 3: Мир человека. 1993. С. 16–38.

Самыгин 2008 — *Самыгин П. С.* Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: Дис. … д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Соколова 2009 — *Соколова Е. Т.* Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.

Соколова 2012 — *Соколова Е. Т.* Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2012. № 2. С. 37–48.

Солнцева, Смолян 2009 — *Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л.* Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект) // Труды Института системного анализа РАН. Т. 41. 2009. С. 266–280.

Талеб 2013 — *Талеб Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2013.

Телия 1988 — *Телия В. Н*. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

Урсул 2010 — *Урсул А. Д.* Природа информации: философский очерк. Челябинск: ЧГАКИ, 2010.

Хахалова 1998 — *Хахалова С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998.

Чумакова 2010 — *Чумакова М. А*. Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 83–93.

Чумакова 2013a — *Чумакова М. А*. Индивидуальные различия в формировании отношения к ситуации неопределенности // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): Материалы Всерос. науч. конф. (с иностр. участием). Москва, 30 мая — 1 июня 2013 г. / Отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 212–214.

Чумакова 2013b — *Чумакова М. А*. Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. Т. 34. № 3. 2013. С. 119–125.

Chumakova, Kornilov 2013 — *Chumakova M. A., Kornilov S. A.* Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // Psychology in Russia: State of the art. Vol. 6. No. 4. 2013. P. 94–108.

Greco, Roger 2001 — *Greco V., Roger D*. Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure // Personality and Individual Differences. Vol. 31. No. 4. 2001. P. 519–534.

Grenier et al. 2005 — *Grenier S., Barrette A.-M., Ladouceur R*. Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: Similarities and differences // Personality and Individual Differences. Vol. 39. No. 3. 2005. P. 593−600.

Kahneman 2002 — *Kahneman D*. Maps of bounded rationality: A perspective on intuitive judgment and choice: [Nobel] Prize Lecture, December 8, 2002 // Nobelprize.org. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf.

Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A*. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1992.

Zinken 2003 — *Zinken J*. Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse // Discourse and Society. Vol. 14. No. 4. 2003. P. 507–523.

Current approaches to the concept of ambiguity

Karabanov, Artem P.
PhD Student, Lecturer,
L. S. Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel. +7 (499) 250-66-44
E-mail: *pacaraban01@gmail.com*

Abstract. The paper reports on the evolution of the concept of ambiguity, and presents a classification of its various types and of the main approaches to the problem of ambiguity within the context of the decision-making problem. In particular, two main approaches are described: the first emphasizes ambiguity as an attribute of a situation, while the second claims that ambiguity is a personality-determined emotional experience. The problem of constructing a mental representation of ambiguity and the possible role of language in this process are also considered.

Keywords: ambiguity, ambiguity types, conceptual metaphor for ambiguity, mental representation of ambiguity

References

Akhapkin, Iu. K. (2008). *Interpretatsiia sotsial'no-gumanisticheskoi informatsii v usloviiakh neopredelennosti* [Interpretation of social-humanistic information in conditions of uncertainty]. Dissertation for the degree of Candidate of Sociology. Moscow. (In Russian).

Apresian, Iu. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2: *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Arutiunova, N. D. (1995). *Logicheskii analiz iazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i iazyke* [Logical analysis of language. The truth and truthfulness in culture and language]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Arutiunova, N. D. (2002). *Logicheskii analiz iazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. The semantics of the beginning and the end]. Moscow: Indrik. (In Russian).

Belinskaia, E. P. (2014). Neopredelennost' kak kategoriia sovremennoi sotsial'noi psikhologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]*, 7*(36). Retrieved from http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html. (In Russian).

Bernstain, P. L. (2008). *Protiv bogov: Ukroshchenie riska* [Transl. from Bernstein, P. L. (1996). *Against the gods: The remarkable story of risk.* New York: John Wiley & Sons.]. Moscow: ZAO "Olimp–Biznes". (In Russian).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2013). Kognitivnaia teoriia metafory: novye gorizonty [Cognitive theory of metaphor: New horizons]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Ural Federal University]. Ser. 1: *Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury* [Problems of education, science and culture]. *2013*(1), 6–13. (In Russian).

Chumakova, M. A. (2010). Intellektual'no-lichnostnaia reguliatsiia v reshenii zadach na konstruirovanie [Intellectual and personality regulation in solving constructing problems tasks]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology]*, 2010* (4), 83–93. (In Russian).

Chumakova, M. A. (2013a). Individual'nye razlichiia v formirovanii otnosheniia k situatsii neopredelennosti [Individual differences in shaping attitudes toward a situation of uncertainty]. In P. Zinchenko, A. E. Voiskunskii, T. V. Kornilova (Eds.). *Idei O.K. Tikhomirova i A.V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psikhologii (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s inostrannym uchastiem). Moskva, 30 maia — 1 iiunia 2013 g.* [O. K. Tikhomirov's and A.V. Brushlinskii's ideas and fundamental psychological issues (towards the 80th anniversary). Proceedings of the All-Russian Conference (with foreign participation). Moscow, 2013, May 30 — June 1], 212–214. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova (In Russian).

Chumakova, M. A. (2013b). Lichnostnaia reguliatsiia ratsional'nogo vybora: razvitie idei edinstva intellekta i affekta [Personality regulation of rational choice: developing the idea of the unity of intellect and affect]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]*, 34*(3), 119–125. (In Russian).

Chumakova, M. A., Kornilov, S. A. (2013). Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles. *Psychology in Russia: State of the Art, 6*(4), 94–108.

Diev, V. S. (2015). "Priniatie resheni" kak mezhdistsiplinarnaia sfera issledovanii: genezis i tendentsii razvitiia ["Decision making" as a interdisciplinary field of research: genesis and development trends]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia* [Electronic scientific publication Almanac "Space and Time"]*, 9*(2). Retrieved from http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast9-2.2015.21.pdf. (In Russian).

Dorozhkin, A. M., Doronin, D. Iu. (2012). Gnoseologicheskaia neopredelennost' v nauchnoi i mifologicheskoi ratsional'nosti [Gnoseological uncertainty in scientific and mythological rationality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*, 2012*(1(3)), 35–46. (In Russian).

Dorozhkin, A. M., Sokolova, O. I. (2012). Poniatie "neopredelennost'" v sovremennoi nauke i filosofii [The concept of "uncertainty" in contemporary science and philosophy]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University of Humanities]*, 2012*(12), 5–11. (In Russian).

Greco, V., Roger, D. (2001). Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences, 31*(4), 519–534.

Grenier, S., Barrette, A.-M., Ladouceur, R. (2005). Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences, 39*(3), 593−600.

Kahneman, D. (2002). Maps of bounded rationality: A perspective on intuitive judgment and choice: [Nobel] Prize Lecture, December 8, 2002. Retrieved from http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf.

Kaneman, D., Slovik, P., Tverskii, A. (2005). *Priniatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdenia* [Transl. from Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (2001). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. Kharkov: Institut prikladnoi psikhologii "Gumanitarnyi Tsentr". (In Russian).

Khakhalova, S. A. (1998). *Metafora v aspektakh iazyka, myshleniia i kul'tury* [Linguistic, thinking and cultural aspects of metaphor]. Irkutsk: IGLU. (In Russian).

Kornilova, T. V. (2005). Metodologicheskie problemy psikhologii priniatiia reshenii [Methodological problems of the psychology of decision-making]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]*, 26*(1), 7–17. (In Russian).

Kornilova, T. V. (2013). Psikhologiia neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi reguliatsii reshenii i vyborov [Psychology of uncertainty: The unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]*, 34*(3), 89–100. (In Russian).

Kornilova, T. V. (2014). Perspektivy dinamicheskoi paradigmy v psikhologii vybora [Prospects of dynamic paradigm in decision making psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]*, 7*(36). Retrieved from http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1013-kornilova36.html. (In Russian).

Kornilova, T. V. (2015). Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska [Uncertainty principle in decision-making and risk psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological research]*, 8*(40). Retrieved from http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html. (In Russian).

Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiia neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: The unity of intellectual and personal human potential]. Moscow: Smysl. (In Russian).

Kostiushkina, G. M. (2006). *Kontseptualizatsiia i kategorizatsiia v iazyke* [Conceptualization and categorization in language]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGLU. (In Russian).

Kozeletskii, Iu. (1979). *Psikhologicheskaia teoriia reshenii* [Psychological decision theory]. Moscow: Progress. (In Russian).

Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (1990). Metafory, kotorymi my zhivem [Transl. from Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*, Chapters 1–6. Chicago: Univ. of Chicago Press]. In N. D. Arutiunova, M. A. Zhurinskaia (Eds.). *Teoriia metafory* [Theory of metaphor], 387–415. Moscow: Progress. (In Russian).

Likhacheva, E. Iu. (2010). Smysloobrazovanie kak mekhanizm preodoleniia neopredelennosti (na materiale imitatsionnykh igr) [Sense creation as a mechanism for overcoming uncertainty(based on material from imitation games)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. *Ser. Psikhologicheskie nauki* [Psychological science]*, 2010*(3), 22–32. (In Russian).

Mishina, N. V. (1991). *Geneticheskie osnovaniia i logicheskie formy vyrazheniia neopredelennosti* [Genetic basis and logical forms of expression the uncertainty]. Dissertation for the degree of Candidate in Philosophy. Moscow. (In Russian).

Nait, F. (1994). Poniatiia riska i neopredelennosti [Transl. from Knight, F. H. (1921). The meaning of risk and uncertainty. In F. Knight. *Risk, uncertainty, and profit*, 210–235. Boston: Houghton Mifflin Co.]. *THESIS, 5*: *Risk, neopredelennost', sluchainost'* [Risk, uncertainty, randomnicity], 12–28. (In Russian).

Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's deistvitel'nost'iu* [Utterance and its relation to reality]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Paducheva, E. V. (1996). Neopredelennost' kak semanticheskaia dominanta russkoi iazykovoi kartiny mira [Indeterminacy as a semantic dominant feature in the Russian linguistic worldview]. *Diterminatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: Problemi di morfosintassi delle lingue slave*, 163–186. Padova: Unipress. (In Russian).

Petrukhina, E. V. (2003). Dominantnye cherty russkoi iazykovoi kartiny mira (v sravnenii s cheshskoi) [Dominant features of the Russian linguistic worldview (in comparison with the Czech one)]. In *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture: Materialy X Kongressa MAPRIaL. Sankt-Peterburg, 30 iiunia — 5 iiulia 2003 g. Plenarnye zasedaniia: Sbornik dokladov.* [Russian word in world culture: Proceedings of the X MAPRYAL Congress. St. Petersburg, 2003, June 30 — July 5. Plenary sessions: Collection of papers], (Vol. 1), 426–433. St. Petersburg: Politekhnika. (In Russian).

Polani, M. (1998). *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoi filosofii* [Transl. from Polanyi, M. (1958). *Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy*. Chicago: Univ. of Chicago Press]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene. (In Russian).

Reshetnikova, E. V. (2011). Gnoseologicheskaia tsennost' metafory [Gnoseological value of a metaphor]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]*, 2011*(5(14)), 89–100. (In Russian).

Saimon, G. A. (1993). Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniia [Transl. from Simon, H. (1978). Rationality as the process and the product of thought. *American Economic Review, 68*(2), 1–16]. *THESIS, 3: Mir cheloveka* [World of the human being], 16–38. (In Russian).

Samygin, P. S. (2008). *Pravovaia sotsializatsiia uchashcheisia molodezhi v usloviiakh sotsial'noi neopredelennosti rossiiskogo obshchestva* [Legal socialization of studying youth in conditions of social uncertainty of Russian society]. Dissertation of the Doctor of Sociology. Rostov-na-Donu. (In Russian).

Sokolova, E. T. (2009). Nartsissizm kak klinicheskii i sotsiokul'turnyi fenomen [Narcissism as a clinical and cultural phenomenon]. *Voprosy psikhologii* [Problems of psychology]*, 2009*(1), 67–80. (In Russian).

Sokolova, E. T. (2012). Kul'turno-istoricheskaia i kliniko-psikhologicheskaia perspektiva issledovaniia fenomenov sub"ektivnoi neopredelennosti [Cultural, historical and clinical-psychological prospect of the subjective uncertainty phenomena research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 14: Psikhologiia* [Moscow University Psychology Bulletin]*, 2012*(2), 37–48. (In Russian).

Solntseva, G. N., Smolian, G. L. (2009). Priniatie reshenii v situatsii neopredelennosti i riska (psikhologicheskii aspekt) [Decision-making in risky and ambiguous situations (psychological aspect)]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN* [Proceedings of the Institute of System Analysis, RAS]*, 41*, 266–280. (In Russian).

Taleb, N. N. (2013). *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [Transl. from Taleb, N. N. (2007). *Black swan: The impact of the highly improbable*. New York: Random House]. Moscow: KoLibri. (In Russian).

Teliia, V. N. (1988). Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoi kartiny mira [Metaphorisation and its role in creating the linguistic worldview]. In B. A. Serebrennikov (Ed.). *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [The human factor in language: Language and worldview], 173–204. Moscow: Nauka. (In Russian).

Ursul, A. D. (2010). *Priroda informatsii: filosofskii ocherk* [The nature of information: A philosophical essay]. Cheliabinsk: ChGAKI. (In Russian).

Vezhbitskaia, A. (1996). *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition (Transl. from selected articles by A. Wierzbicka)]. M. A. Krongauz (Transl.). E. V. Paducheva (Preface). Moscow: Russkie slovari. (In Russian).

Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (1993). *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroistvo, sistemnye otnosheniia* [Verb prefixes in russian language: systematic device and system relations]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU. (In Russian).

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Zalizniak, Anna A., Levontina, I. B. (1996). Otrazhenie russkogo natsional'nogo kharaktera v leksike russkogo iazyka (Razmyshleniia po povodu knigi A. Wierzbicka. Semantics, Culture and Cognition. Universal human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.: Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) [Image of Russian national character in Russian language lexis (Thoughts about the book: Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press]. *Russian Linguistics, 20*(2–3), 237–264. (In Russian).

Zinken, J. (2003). Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse. *Discourse and Society, 14*(4), 507–523.

Karabanov, A. P. (2017). Current approaches to the concept of ambiguity. *Shagi / Steps, 3*(1), 49–63